

П. М. КОЛЬЦОВ

ПОСЕЛЕНИЕ ДЖАНГАР

ЧЕЛОВЕК И ЕГО КУЛЬТУРА В НЕОЛИТЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ

А
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
КАЛМЫЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

П. М. КОЛЬЦОВ

**ПОСЕЛЕНИЕ ДЖАНГАР
ЧЕЛОВЕК И ЕГО КУЛЬТУРА В НЕОЛИТЕ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ**

 НОВЫЙ ХРОНОГРАФ
МОСКВА 2004

УДК 930.26
ББК Т442.14(2Рос.Калм)
К 626

Рецензенты: доктор исторических наук **В.И. Марковин**
кандидат исторических наук **С.М. Васюткин**

Научный редактор: доктор исторических наук **Н.Я. Мерперт**

Кольцов П.М.
К 626 Поселение Джангар. Человек и его культура в неолите Северо-Западного Прикаспия. Москва: Новый хронограф, 2004. – 156 с.
ISBN 5-94881-040-2

В монографии обобщаются результаты исследования многослойного поселения Джангар – уникального памятника неолитической эпохи на территории Юга Европейской части России. Помимо анализа археологического материала рассматриваются проблемы развития и периодизации неолита Северо-Западного Прикаспия, становления производящего хозяйства, взаимодействия джангарской неолитической культуры с синхронными культурами юга Восточной Европы. Книга рассчитана на археологов, этнографов и историков. Может быть рекомендована для студентов исторических факультетов.

ISBN 5-94881-040-2

© П.М. Кольцов, 2004

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая нами монография посвящена анализу археологического материала многослойного поселения Джангар, а также общим проблемам южного неолита и североприкаспийского, в частности. Выбор темы определен первоочередными задачами, стоящими перед исследователями неолита североприкаспийского региона – открытие и введение в научный оборот археологических источников, выявление закономерностей и особенностей развития этого культурно-исторического периода.

Неолит Северо-Западного Прикаспия невозможно представить без поселения Джангар, где за несколько полевых сезонов (1979-1986 гг, 2003 и 2004 гг.) был получен значительный археологический материал. Здесь найдены стационарные очаги, хозяйственные ямы и жилые постройки [Кольцов, 2002, с. 155-163]. Находки датированы методом сравнительной типологии, радиоуглеродного и почвенного анализа. Видовой состав фауны определен специалистами - палеозоологами.

Наличие надежно датированного комплекса позволило нам на основании прямой стратиграфии наметить этапы развития местного неолита, провести верификацию находок с разветвленных стоянок и подойти к решению вопросов становления производящего хозяйства в регионе. Эти уникальные для Северо-Западного Прикаспия материалы дали наиболее полную информацию о жизни неолитического населения и послужили основой для выделения джангарской неолитической культуры.

Между тем, инвентарь памятника не получил должного освещения в литературе. Он был представлен только в двух публикациях [Кольцов, 1984; 1988], а также рассматривался в отдельных обобщающих статьях и разделах крупных монографических исследований по неолиту степной и лесостепной зон Юго-Восточной Европы [Васильев, Выборнов, 1988; Телегин 1996; Наумов, 1998; Юдин, 2000]. Отмечены случаи, когда при попытке определить хронологию и культурную принадлежность поселения Джангар из контекста вырывали

тот или иной материал, что приводило отдельных исследователей к неверным выводам [Васильев, Выборнов, 1988; Наумов, 1998 и др.].

Подобная ситуация свидетельствует, с одной стороны, о внимании со стороны исследователей позднекаменного века южнорусских степей к поселению Джангар и проблемам североприкаспийского неолита в целом, а с другой - отсутствием в научной литературе полной публикации археологического комплекса памятника.

Анализ материальной культуры поселения Джангар не возможен в отрыве от темпов и уровня исторического развития древних племен сопредельных территорий. При всей своей самобытности она является закономерным звеном в цепи событий, протекавших на заключительной стадии каменного века южнорусских степей.

Для расстановки акцентов в работе необходимо коротко обозначить наиболее важные достижения неолитической эпохи, а также степень ее изученности в регионе.

Неолит по праву считают важнейшей ступенью в истории первобытного общества. Его изучение выдвигает ряд сложных проблем, которые являются актуальными и в настоящее время. В этот период люди создают керамику, текстиль и широко внедряют производящие формы хозяйства, что привело к постепенной консолидации неолитических племен в крупные культурно-исторические общности - фундамент дальнейшего развития всей человеческой культуры. Неслучайно это событие английский археолог В.Г. Чайлд назвал «неолитической революцией» [Чайлд, 1949, с.33].

В истории человечества этот процесс был довольно длительным и протекал на разных территориях не одновременно. В Евразии «пионерами» в области селекции растений и domestikации животных ученые в первую очередь называют переднеазиатскую зону и Юго-Восточную Азию. Переход к производящему хозяйству там произошел в конце мезолита, о чем свидетельствуют такие раннеземледельческие поселения, как Иерихон (докерамический неолит В), Хаджилар, Чейеню-тепе и др. В дальнейшем раннеземледельческие культуры типа Чатал-Хююк, Джармо, Али-Кош, Тепе-Гуран и др. продолжают развивать земледельческо-скотоводческое хозяйство, используя уже достижения неолитической эпохи [Мелларт, 1982; Массон, 1989].

В 6 тыс. до н.э. на территории Средней Азии расцвела джейтунская раннеземледельческая культура. Для полива своих посевов население джейтунской культуры использует естественный разлив воды во время половодья. Поэтому не случайно они заселяют узкую полосу предгорной равнины между отрогами Копет-Дага и песками Каракумов, где весной в конусах выноса предгорных речек и ручьев скапливаются селевые воды. Использование естественного орошения и целый ряд иных признаков позволяет отнести джейтунов к кругу раннеземледельческих культур Передней Азии [Массон, 1966, с. 76-92].

Закавказье считают одним из очагов древнего производящего хозяйства. Для этого там существовали все природные предпосылки - наличие диких сородичей культурных злаков и домашних животных. Однако бесспорных материалов, свидетельствующих о становлении производящей экономики в регионе на ранних этапах неолита, нет. На памятниках Черноморского побережья Грузии костей животных не обнаружено, известны лишь разнообразные находки каменных орудий труда, свидетельствующие о возможном занятии местного населения земледелием (Нижешиловская, Одиши, Кистрик, Анасеули 2 и др.). Прежде всего, это микролитические вкладыши для жатвенных ножей, зернотерки, ступы, а в некоторых случаях мотыжки - сочидадлерского типа. В Восточном Закавказье на поздних этапах неолита и в энеолите существовала земледельческо-скотоводческая шулавершомутепинская культура, которая при всей своей самобытности (разнообразие окультуренных злаков присущие только ей) развивалась под влиянием переднеазиатских земледельческих культур [Лисицына, Прищепенко, 1977, с. 40-49; Шнирельман, 1980, с. 68-71].

Значительные изменения в неолите произошли и на юге России. В первую очередь они затронули Кавказ, Крым, а затем в этот процесс были вовлечены степные и лесостепные районы.

На территории горного Дагестана неолитическое население уже в первой половине 6 тыс. до н.э. культивировало производящее хозяйство. Об этом свидетельствуют материалы Чохского поселения, отражающие процесс вызревания неолитической культуры с производящей экономикой на местной мезолитической основе [Амирханов, 1987]. В V тыс. до н.э. на Северо-Восточном Кавказе процвета-

ет раннеземледельческая культура Гинчи. В 111 тыс. до н.э. энеолитические племена Северного Кавказа по уровню своего развития стояли на пороге образования раннеклассового общества древневосточного типа [Гаджиев, 1991].

В Крыму можно назвать известные уже неолитические поселения Таш-Аир, Кая-Арасы, Замиль-Коба II и др., где, наряду с дикими видами, обнаружены кости домашних животных (свиньи, коровы, овцы). В конце неолита количество домашних особей увеличивается, а наличие на поселениях зернотерок, пестов, мотыг и вкладышей серпов свидетельствует о занятии населения предгорных районов земледелием [Крайнов, 1960; Формозов, 1962; Мацкевой, 1977].

Экономика неолитических племен степи и лесостепи юга европейской части России будет рассмотрена нами в специальной главе.

Таким образом, приведенный выше краткий обзор древних культур с производящей экономикой показал, что в ряде мест, благоприятных с точки зрения доместикации диких растений и животных, на ранних этапах неолитической эпохи возникает земледелие и скотоводство, что бы со временем занять главное место в экономике. Будучи первыми в области инновационных процессов, переднеазиатские раннеземледельческие культуры оказали значительное влияние на становление производящего хозяйства в Европе.

Наши знания о процессе исторического развития неолитических племен североприкаспийского региона вплоть до последнего времени оставались крайне скудными. Базировались они на подъемном материале с развешенных стоянок и случайных находках.

Первые местонахождения с кремневым инвентарем были открыты П.С.Рыковым и И.В.Синицыным в конце 20-х годов двадцатого столетия в Приморском районе, близ станций Басы и Зензели [Рыков, 1931, с. 53-59; Синицын, 1931, 83-96; 1933, с. 89-102]. Кремневые изделия и древняя керамика соседствовали с находками эпохи бронзы и более поздних периодов. Оценивая культурную принадлежность находок микролитического типа, И.В. Синицын правильно, на наш взгляд, указал на южное их происхождение, но в хронологическом плане отнес к пережиточным явлениям, бытующим в переходный период, к палеометаллическому времени.

Выводы И.В. Синицына во многом отражали состояние разработок по хронологии памятников со смешанными комплексами в 20-е годы 20 столетия [Гольмстен, 1928]. В то время это была одна из сложных задач, и чаще всего историческое место кремневых изделий определялось в кругу памятников эпохи бронзы. В этой связи следует привести первую обобщающую работу Т.М. Минаевой по нижневолжским микролитам [Минаева, 1929, с.29 и сл.]. Анализ кремневой индустрии был проведен ею путем типологического сравнения орудий с неолитическими комплексами Украины и Крыма. Исследовательница отметила однородность сопоставляемого материала. Это наблюдение Т.М. Минаевой в общем верное, но оно не отражает всей сути рассматриваемой проблемы. Частый факт совместного залегания микролитов с керамикой эпохи бронзы не позволил ей хронологически верно расчлнить материалы. Ее вывод о принадлежности кремневых комплексов Нижнего Поволжья к периоду энеолита-бронзы был принят последующими исследователями.

В 1946 - 1948 гг. Северокавказская экспедиция под руководством Е.И. Крупнова впервые обследовала полупустынные районы бывшей Грозненской области от реки Кумы до границ Ставрополя и Астрахани. В Бажиганских песках были собраны многочисленные и разновременные материалы, свидетельствующие о широком заселении этой территории уже в глубокой древности [Крупнов, 1948, с. 67-73; 1949, с.17; 1950, с. 85-98]. Важным результатом своих работ Е.И.Крупнов считал открытие стоянок с кремневым инвентарем, который на основании аналогий с материалами катакомбных и срубных культур эпохи бронзы был отнесен им к энеолитическому времени. Исследователь также обратил внимание на принципиально важный момент - связь в прошлом природно-климатических условий края с неоднократными трансгрессиями Каспийского моря. Несмотря на видимые успехи, Е.И. Крупнову не удалось установить подлинный возраст кремневых комплексов.

В 1946 году И.В. Синицын вновь посетил район северо-западного побережья Каспийского моря. В результате разведок, которые он проводил главным образом в районе сел Басы и Зензели, с охватом территории, прилегающей к местным ильменям, вновь были откры-

ты несколько местонахождений с кремневым инвентарем микролитного облика и керамикой эпохи бронзы.

С открытием новых памятников шло дальнейшее осмысление накопленного материала. Прежние взгляды исследователей на хронологию микролитических памятников к началу 50-х годов претерпели существенные изменения. Неустойчивость этих взглядов объясняется, в первую очередь, узостью источниковедческой базы, основанной фактически на подъемном материале, полученных с развеечных дюн. Смешанный характер таких источников вносил определенные трудности в его интерпретацию. Это послужило основанием для ряда исследователей выразить сомнения по поводу возможного использования подъемного материала для широких исторических построений [Ефименко, 1953, с. 638; Чернецов, 1959, с. 56].

Подобные суждения вызвали в печати справедливые возражения. Возможность использования подъемного материала в археологических исследованиях впервые в научной литературе была специально рассмотрена А.А. Формозовым [Формозов, 1959, с. 85-89]. В частности, он писал, что "основанные на подъемных материалах выводы о последовательности развития типов орудий и керамики при проверке раскопками могут сильно измениться, но общие представления о том, какие формы изделий характерны для этого района, а какие нет, - обычно остаются неизменными" [Формозов, 1959, с. 89]. Несколько позднее на этом вопросе остановился А.В. Виноградов в своей обобщающей работе по неолиту Хорезма. Он убедительно показал, что массовый материал развеечных стоянок с успехом может быть использован для решения важных исторических вопросов. Одно из доказательств этого - история древних Амударьинских и Сырдарьинских дельт, воссозданная на материалах не только десятков раскопанных памятников, но и развеечных стоянок [Виноградов, 1968, с. 24].

Непосредственное отношение к оценке развеечных стоянок Северо-Западного Прикаспия имеют выводы А.А. Формозова. Он подчеркивает, что «дюнные стоянки Поволжья и Приднепровья расположены в благоприятных природных условиях и сборы на них содержат заведомо разновременные вещи» [Формозов, 1959, с. 88]. Насколько справедливы эти наблюдения показали дальнейшие исследования.

В конце 40-х годов 20 века в районе Черных Земель краеведом Н.И. Басовым было открыто местонахождение каменного века. В мае 1950 года Т.М. Минаева совместно с Н.И. Басовым обследовали данный памятник, который находился в урочище Яста-Худук и собрали большое количество кремня и керамики [Минаева, 1955, с. 46-53].

Ссылаясь на аналогичные комплексы Приморских памятников, находки Е.И. Крупнова в Бажигано-Терских песках и на стоянке по Малому Узенью, Т.М. Минаева отнесла свои материалы к поздним этапам неолита и эпохе бронзы [Минаева, 1955, с. 52, 53].

Несмотря на ошибочность некоторых выводов Т.М. Минаевой, в целом ее работа представляет значительную ценность, поскольку здесь отчасти обобщены и пересмотрены результаты предыдущих исследований. На материалах стоянки Яста-Худук она впервые очертила примерный ареал памятников с микролитической индустрией эпохи неолита-энеолита на обширной территории Прикаспийских степей.

В 1952 и 1955 гг. археологические изыскания в крае продолжила Прикаспийская экспедиция, руководимая Е.И. Крупновым [Крупнов, 1954, с. 95-105; 1957, с. 154-173]. Район основных работ остался прежним. В этом проявился глубокий интерес исследователя к древним культурам Прикаспия. В результате разведок в окрестностях сел Ачикулак, Махмуд-Мектеб, Бажиган и др. был собран дополнительный археологический материал, проливающий свет на историческое прошлое края. Особое внимание Е.И. Крупнов обратил на многочисленные кремневые изделия (сегменты, трапеции, скребки и др.) и архаичную лепную керамику, которые, по его мнению, характеризуют наиболее древний этап местной истории - эпоху неолита, впервые выявленную в Северо-Западном Прикаспии [Крупнов, 1954, с. 170]. Не менее важный вывод сделан им и о «культурной общности этих районов в энеолите и в эпоху бронзы как с более северными, так и западными районами вплоть до Подонья, Приазовья и Прикубанья» [Крупнов, 1954, с. 171].

Продолжая обзор, отметим ряд статей, где рассматриваются вопросы, связанные с древней историей изучаемого нами региона. В частности, в 1960 году была опубликована статья Л.В. Греховой, где подводились итоги Северокавказской экспедиции 1948-1955 гг. [Грехова, 1960, с. 21-27]. Будучи участницей этих экспедиций, Л.В.

Грехова обратила внимание на смешанный характер большинства подъемного материала. Наиболее близкие аналогии материалам Бажиганских стоянок она нашла в 7 слое Таш-Аир, в Нижне-Шиловской стоянке под г. Адлером, в неолитических стоянках Крыма и Украины [Грехова, 1960, с. 25].

В результате сопоставительного анализа из общей массы материала Л.В. Грехова выделила неолитические и, предположительно, мезолитические типы орудий. Для доказательства вероятности заселения ныне полупустынных районов в неолите и даже в более ранний период Л.В. Грехова привлекает данные геоморфологии и палеоботаники [Грехова, 1960, с. 26, 27].

В том же 1960 году вышла работа И.В. Синицына, где были подведены итоги археологического исследования Приморских районов [Синицын, 1960, с. 133-152]. Автор подчеркивал микролитонность инвентаря и обилие геометрических форм на дюнных стоянках. Часть вещей он отнес к неолитическому времени и отметил их общность с кремневыми орудиями Нижнего Поволжья, Крыма и Северо-Восточного Кавказа.

Таким образом, в описанных выше работах исследователи попытались, наряду с выделением неолитических комплексов, реконструировать палеогеографические условия Северо-Западного Прикаспия и наметить культурные связи его древнейшего населения. Выводы И.В. Синицына, Е.И. Крупнова и Л.В. Греховой во многом носили предварительный характер. В этом отразилась не только узость источниковедческой базы, но и слабая разработанность проблем неолита юга страны.

Исследования 50-х годов в Северо-Западном Прикаспии были непродолжительными. Затем в течение почти двух десятилетий на территории края проводились только эпизодические археологические работы.

В 1966 году в долине р. Маныч и отрогах Ергеней Н.Д. Праслов обнаружил целый ряд местонахождений с кремневым инвентарем и керамикой. Основной их особенностью исследователь называет наличие больших серий геометрических форм, преимущественно сегментов с двусторонней обработкой по дуге лезвия, а также многочисленных остроконечных изделий и пластин с ретушью со стороны брюшка. По этим признакам Н.Д. Праслов отнес открытые им па-

мятники к послепалеолитическим культурам, занимающим территорию, куда входят Северный Кавказ, Западный Прикаспий и район Узеней [Праслов, 1971, с. 102-107].

В 1967 году археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством А.Н. Мелентьева обследовала левобережье Волги, где было выявлено большое количество стоянок с кремневым инвентарем и керамикой.

Из общей массы памятников А.Н. Мелентьев выделяет так называемую сероглазовскую культуру с ареалом распространения от р. Урал до Кумо-Манычской впадины [Мелентьев, 1975, с. 112-117; 1977, с. 100-108]. Ранняя дата культуры (VIII-VI тыс. до н.э.) была установлена на основании аналогий с ближневосточными памятниками типа Зарзи и Шанидар, а на неолитическом этапе - с Натуфом [Мелентьев, 1978, с. 101]. Для уточнения датировки сероглазовских памятников А.Н. Мелентьев попытался увязать топографию мезо-неолитических стоянок с геохронологической шкалой позднечетвертичных колебаний уровня Каспийского моря [Мелентьев, 1977, с. 100].

Выделение археологических культур позднего каменного века на территории Северного Прикаспия и попытка установления их хронологических рамок, несомненно, имели положительное значение.

Несмотря на некоторые спорные моменты в работах А.Н. Мелентьева, они в значительной степени пополнили источниковедческую базу нашего исследования. Заслугой исследователя является попытка построить на подъемном материале периодизацию и хронологию каменного века Северного Прикаспия. Впервые североприкаспийский регион был представлен как самостоятельный очаг сложения культур позднего каменного века, имеющих определенную культурную специфику.

В 1974 году на территории Сарпинской низменности в районе пос. Харба У.Э. Эрднеевым было собрано большое количество кремневых изделий микролитонного облика. Находки имеют достаточно ранний облик и датируются позднемезолитическим временем [Эрднеев, 1981, с. 9; П.М. Кольцов, Эрднеев, 1985, с. 132-139]. Открытие ранних памятников имеет большое значение в связи с изучением вопросов заселения Прикаспийской низменности и генезиса местных неолитических культур.

В 1976 году археологической экспедицией Калмыцкого НИИЯЛИ в 4,5 км к западу от пос. Ханата Малодербетовского района Калмыкии, на берегу одноименного озера, Е.В. Цуцкиным было открыто поселение Заханата, содержащее материал от неолита до средневековья включительно [Шнайдштейн, 1977, с. 183].

В 1979 году разведочные работы в Северо-Западном Прикаспии предприняла Прикаспийская экспедиция Института археологии АН СССР под руководством В.И. Марковина. На песчаных выдувах у с. Алмало (Дагестан) были обнаружены кремневые изделия мезолитического и неолитического времени [Марковин, 1980, с. 117]. На Черных Землях, в районе сел Адык, Нарын-Худук, Манты и Артезиан (Калмыкия) археологическая экспедиция собрала кремневый материал неолитического облика [Марковин, 1995, с.20-52].

В 1981 году вышла работа Д.Я. Телегина, где была предпринята попытка культурно-исторического осмысления неолитических памятников Подонья, Поднепровья и степного Заволжья. В результате исследователь выделяет две основные культурные области: 1) азово-каспийская, куда включены сурская, горнокрымская и сероглазовская культуры, а также памятники типа Ракушечного Яра; 2) область культур с гребенчато-наколычатой керамикой, сюда отнесены памятники днепро-донецкой культуры, орловского и воронежского типов. Появление в степном Заволжье неолитических памятников, исследователь связывает с продвижением в регион племен днепро-донецкой культуры [Телегин, 1981, с. 3-19]. Выводы Д.Я. Телегина, построенные на ограниченном археологическом материале, не дали нового решения указанной проблемы и во многом оказались неверными.

Новые археологические материалы из Терско-Кумского междуречья были введены в научный оборот В.Б. Виноградовым и Б.М. Хашегульговым [Виноградов, Хашегульгов, 1982, с. 16-30]. Из 22 пунктов с находками наиболее архаичными являются кремневые изделия. Среди них можно отметить наконечники стрел с выделенным черешком, которые являются культуроопределяющими типами изделий в неолите Северо-Западного Прикаспия.

Безусловно, для понимания проблематики каменного века Северного Прикаспия большое значение имеют работы Х.А. Амирханова,

где изложены взгляды на проблему культурных ареалов кругокаспийской области в раннем голоцене. В пределах кругокаспийской области ученый выделяет два культурных ареала. Первый – южнокаспийский, он занимает территории, примыкающие к морю с юго-запада и юго-юго-востока. Второй условно обозначен как северокаспийский, куда вошли степи Предкавказья, Северо-Западного, Северного и Северо-Восточного Прикаспия. При этом корни культур северокаспийского ареала генетически связываются с территорией Северного Кавказа, а южнокаспийского с прибрежными районами Южного Прикаспия [Амирханов, 1985, с. 27-43; 1987, с. 182-204]. Основные выводы ученого относительно северокаспийского круга памятников позднего каменного века подтверждаются исследованиями последних лет.

Подводя итоги краткому обзору вышеупомянутых изысканий по каменному веку Северо-Западного Прикаспия, следует отметить, что, несмотря на некоторые противоречия в области группирования разновременных групп керамики и кремневых изделий в единый комплекс, в целом, в этих работах исследователи правильно установили близкую связь между памятниками с микролитонидной индустрией и наметили ареал их распространения.

Однако, наряду с вышеперечисленными достижениями, оставался и целый ряд нерешенных вопросов. Археологический материал прежних лет отчасти утрачен, а их публикации не полны и не дают исчерпывающей информации. Отсюда и отрывочность сведений о древностях края.

Между тем, за последние десятилетия интерес к Прикаспию со стороны ученых, изучающих неолит юга Европейской части России, значительно возрос. Зачастую в поисках истоков тех или иных культурных инноваций в материальной культуре древних племен степи и лесостепи археологи обращаются к обширному северокаспийскому региону. И это не случайно. В силу географического положения указанная территория рассматривается как связующая зона культур Каспийско-Черноморских степей с Кавказом и Средней Азией на ранних этапах истории. Следовательно, изучение древностей Прикаспия, кроме частных задач, поможет уточнить и решить некоторые вопросы взаимодействия этих регионов в прошлом.

А

Нехватка источников по неолитической эпохе наиболее остро стала ощущаться в связи с успешными работами в Поволжье по проблемам энеолита и ранней бронзы. Для энеолитического периода была разработана хронология, периодизация и обосновано существование мариупольской культурно-исторической области [Васильев, Матвеева, 1979, с. 165, 166; Васильев, 1981, с. 18]. В этой связи возникла необходимость уяснения целого ряда вопросов, связанных как с генезисом местных энеолитических культур, так и с появлением производящего хозяйства в регионе.

В последние годы археологическая экспедиция Калмыцкого государственного университета и Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии и экономики активно проводила свои изыскания на территории Сарпинской низменности с целью получения материалов по древней истории края.

Осмотр зон с реликтовой системой пресноводных водоемов озерно-лиманного типа выявил целый ряд археологических памятников, в том числе с непереотложенными культурными слоями (Джангар, Заханата, Ханата, Ту-Бузгу-Худук 1 и 2, Ар-Доланг и др.). В результате этого появилась возможность изучать вещевой материал, который обладает большей степенью надежности, предъявляемый историческому источнику.

Особый интерес в этом плане представляет поселение Джангар, расположенное в урочище Танха Сарпинской низменности, неподалеку от эпонимного поселка. Впервые в степной и полупустынной зоне североприкаспийского региона был открыт многослойный памятник с сохранившимися культурными напластованиями.

Всесторонний анализ археологического материала Джангара позволил проследить основные исторические процессы, которые происходили на территории Северо-Западного Прикаспия в эпоху неолита.

В ходе подготовки и написании работы автору большую помощь оказали советы и замечания Х.А. Амирханова, Н.Я. Мерперта, В.П. Шилова, С.М. Васюткина и коллег из отдела каменного века Института археологии РАН. В исследовании памятника в разное время принимали участие палеозоологи В.И. Данильченко, И.В. Кириллова и А.Г. Петренко, геоморфолог В.П. Чичагов, палеопочвоведы

А.А. Гольева и О.А. Чичагова. Всем названным специалистам, а также участникам археологической экспедиции и студентам исторического отделения Калмыцкого государственного университета в частности, чей энтузиазм позволил успешно провести трудоемкие раскопки многослойного поселения Джангар, приношу свою благодарность.

* * *

Предварим анализ материалов памятника некоторыми замечаниями методического характера. Описание каменного инвентаря проводится с учетом всех технико-типологических параметров: техники первичной обработки, техники вторичной отделки, типологии. Кроме того, в работе мы исходили, прежде всего, от общих признаков к частным. Сначала каменные изделия объединяются в категории (скребки, резцы, ножи и т.д.), затем внутри категорий они рассматриваются и анализируются на уровне типов и разновидностей. Причем, внимание, в первую очередь, обращается на их форму, размеры, технику первичной и вторичной обработки. Функциональное назначение орудий в данном аспекте исследования имеет второстепенное значение. Дифференцированный подход к анализу кремневого комплекса позволяет выявить их своеобразие, так как все слагаемые какой-либо индустрии содержат искомую этноспецифическую информацию, представляют те качественные и количественные характеристики, которые отличают ее от других индустрий.

Другим важным археологическим источником является керамика. Общеизвестно, что среди неолитического и энеолитического материала она занимает важное место в решении этнокультурных проблем и вопросов хронологической периодизации этапов культурной эволюции. Вместе с тем следует отметить, что на поселении Джангар керамика в основном фрагментарная. Полностью восстановленные сосуды единичны, а имеющиеся графические реконструкции позволяют лишь в известной степени судить об их формах. Поэтому при анализе керамических комплексов учитывались все доступные для систематизации признаки: способ изготовления, состав теста и цвет черепков, орнаментация и формы. Дальнейшая характеристика керамики излагается в ходе описания материала.

ГЛАВА 1. ОПИСАНИЕ И АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ ПОСЕЛЕНИЯ ДЖАНГАР

В главе дается характеристика культурным напластованиям поселения Джангар и условиям их накопления. Подробно описываются бытовые объекты, выявленные при раскопках, а также проводится технико-типологический анализ каменного, костяного и керамического инвентаря. Основной видовой состав костей млекопитающих из 3 культурных слоев определен В.И. Данильченко и И.В. Кирилловой. С отдельными образцами остеологического материала работала А.Г. Петренко.

Памятник открыт автором в 1978 г. на территории Сарпинской низменности в урочище Танха (рис. 1). Географическое положение поселения Джангар: 47°37'07,31 с. ш.; 45°42'37,71 в. д. Он расположен 3 км к юго-востоку от совхоза Джангар Октябрьского района Республики Калмыкия на участке склона террасы, вдающейся в обширный лиман Танха (рис. 2). Площадь поселения составляет около 1000 кв.м. При осмотре террасы и прилегающей местности было собрано большое количество кремня. Основная масса находок концентрировалась у дороги, где культурный слой был выбит глубокой колесей автодороги.

Всего на поселении заложено 2 раскопа и 5 шурфов. Раскоп № 1 имеет площадь 114 кв.м. Стратиграфия дана по разрезу северо-западной стенки (рис. 3):

1. Слоистая супесь пепельного цвета, являющаяся верхним слоем современного гумусного горизонта, где встречены единичные находки кремня – 6-10 см;

2. Суглинок темно-коричневого цвета плотной структуры культурными остатками – 30-40 см;

3. Белесый суглинок комковатой структуры с карбонатными включениями без находок – 50 см.

Культурный слой залегал около 20 см ниже современной дневной поверхности, в темно-коричневом суглинке. Мощность слоя не превышает 30 см. По всей вскрытой площади находки распространялись неравномерно. Каких-либо построек, заглубленных в материк,

1 – Харба; 2 – Джангар; 3 – Ту-Бузу-Хулук; 4 – Ту-Бузу-Хулук; 5 – Му-Кюкн 1; 6 – Му-Кюкн 2; 7 – Ар-Доланг 1-3; 8 – Заханата; 9 – Ханата 1-3; 10 – Яшкуль 1; 11 – Яшкуль 2; 12 – Яшкуль 3; 13 – Яшкуль 4; 14 – Яшкуль 5; 15 – Обильное; 16 – Воронцова балка; 17 – Цыганица; 18 – Гува 1; 2; 19 – Молодежное 1; 20 – Молодежное 2; 21 – Молодежное 3; 22 – Улан-Тут 1; 23 – Улан-Тут 2; 24 – Улан-Тут 3; 25 – Улан-Тут 4; 26 – Басы; 27 – Зензели; 28 – Алык; 29 – Перишкино; 30 – Комсомольское; 31 – Артезиан; 32 – Манты; 33 – Яста-Хулук; 34 – Яшкуль 6; 35 – Яшкуль 7; 36 – Яшкуль 8; 37 – Аликлак; 38 – Божиган; 39 – Турксад; 40 – Махмуд-Мектеб; 41 – Полюнное.

* На карте не отмечены пункты с единичными находками кремня и керамики.

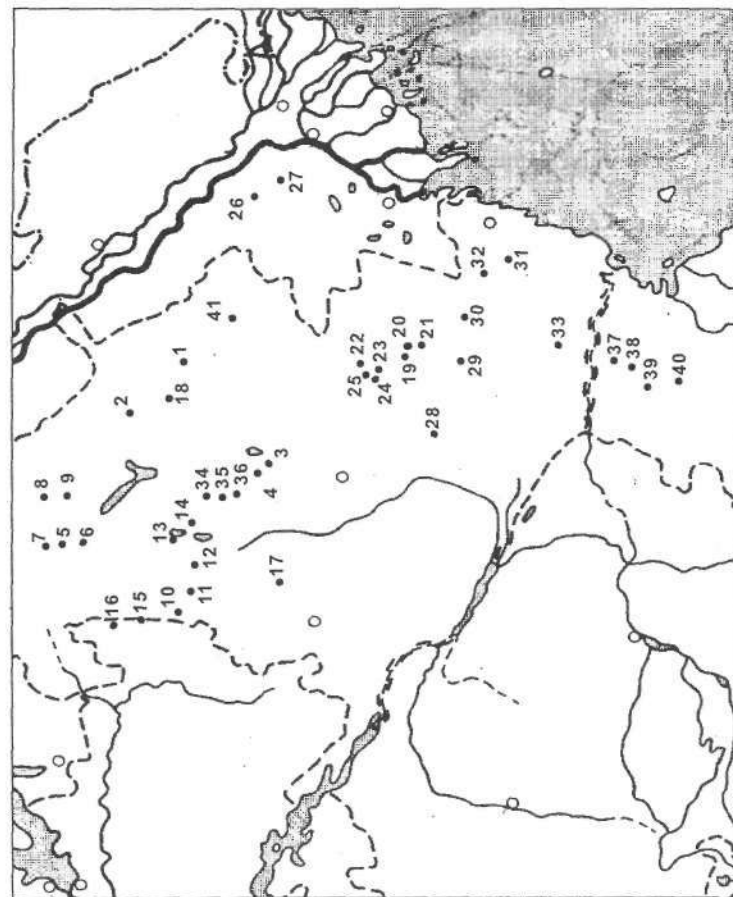

Рис. 1. Северо-Западный Прикаспий. Карта-схема расположения мезо-неолитических памятников.